

СКОТТ ГЕРШОВИЦ

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ,
НЕПОСЕДЛИВЫЕ
И ЗАБАВНЫЕ

как разговаривать с детьми
о важном просто и увлекательно

УДК 37.0:1
ББК 74.90
Г42

Scott Hershovitz
NASTY, BRUTISH, AND SHORT:
A Philosopher's Field Notes on His Children

Copyright © 2022 by Scott Hershovitz

Гершовиц, Скотт.

Г42 Любознательные, непоседливые и забавные : как разговаривать с детьми о важном просто и увлекательно / Скотт Гершовиц ; [перевод с английского И. Митрофанова, А. Митрофанова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-172199-2

Современный философ и отец двух сыновей, Скотт Гершовиц уверен: самые недооцененные философы — дети. У них есть чему поучиться всем взрослым — для этого нужно просто разговаривать, слушать и думать вместе с ними. Со своими мальчиками Скотт отправился в невероятное путешествие по классической и современной философии и обсудил с ними такие важные темы, как наказание, власть, мораль, справедливость и существование Бога. А помогли им в этом Платон, Аристотель, Кант и другие гении мысли. Эта книга — удивительное сочетание занимательной философии и ценных советов для родителей.

УДК 37.0:1
ББК 74.90

ISBN 978-5-04-172199-2

© Александр и Иван Митрофановы,
перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	
Искусство мыслить	9

ЧАСТЬ I

ОСМЫСЛЯЯ МОРАЛЬ

1. Права	33
2. Месть	58
3. Наказание	81
4. Власть	105
5. Язык	129

ЧАСТЬ II

ОСМЫСЛЯЯ СЕБЯ

6. Мальчики, девочки и спорт	157
7. Раса и ответственность	172

ЧАСТЬ III

ОСМЫСЛЯЯ МИР

8. Знание	203
9. Правда	228
10. Разум	256
11. Бесконечность	281
12. Бог	304
<i>Заключение</i>	
Как вырастить философа	330
<i>Благодарности</i>	338
<i>Предлагаемые источники</i>	342
<i>Примечания</i>	346

Джули, Рексу и Хэнку

Введение

ИСКУССТВО МЫСЛИТЬ

— **М**не нужен философ, — сказал полуодетый Хэнк, стоя в ванной.
— Что? — спросила Джули.

— Мне нужен философ.

— Ты ополоснулся?

— Мне нужен философ, — взволнованно повторил Хэнк.

— Тебе нужно ополоснуться. Вернись к раковине.

— Мне нужен философ! — потребовал Хэнк.

— Скотт! — крикнула Джули. — Хэнку нужен философ.

Философ тут я. И в этом качестве я точно никому не нужен.

Я бросился в ванную.

— Хэнк, Хэнк! Я философ. Что тебе нужно?

Он выглядел озадаченным.

— Ты не философ, — резко ответил он.

— Хэнк, я философ. Это моя работа. Что тебя беспокоит?

Он открыл рот, но ничего не сказал.

— Хэнк, что тебя беспокоит?

— В ЗУБАХ ШТО-ТО ЗАШТРЯЛО.

Флоссер. Хэнку нужен был флоссер — такой вилкообразный кусок пластика с нанизанной на него зубной нитью. Задним числом это понят-

но. Флоссер — это то, что вам может понадобиться, особенно если вам два года и ваша цель в жизни — заполнять свалки дешевыми кусками пластика, которые временно отвлекают внимание. Философы людям обычно не нужны. Люди охотно говорят об этом самим философам.

— Чем, собственно, занимаются философы?

— Э-э-э... в основном мы думаем.

— О чем вы думаете?

— Да о чем угодно. Справедливость, правильность, равенство, религия, закон, язык...

— Я тоже об этом думаю. Я философ?

— Возможно, да. А вы хорошо об этом думаете?

Я не представляю, сколько раз у меня был такой разговор. Но это потому, что у меня никогда его и не было. Я просто воображаю, как все пойдет, если я скажу незнакомцу, что я философ. Я почти всегда говорю, что я юрист. Если только не разговариваю с юристом; тогда, чтобы набить себе цену, я говорю, что я профессор юридических наук. Если же я разговариваю с другим профессором юриспруденции, тогда я определенно философ. Но если я беседую с философом, я снова становлюсь юристом. Это сложная игра в наперстки, разработанная, чтобы дать мне преимущество в разговоре.

Однако я — философ. И я все еще не могу в это поверить. Я не ставил перед собой такой цели. Будучи первокурсником на первом семестре в Университете Джорджии, я хотел взять вводный курс психологии. Но в группе не было мест, а «Вводная философия» была мне вполне по силам. Если бы освободилось место в группе по психологии, я сейчас был бы психологом, а эта книга была бы полной практических рекомендаций по воспитанию детей. В этой книге есть несколько советов, но большинство из них не столь конкретны. На самом деле главный совет заключается в следующем:

разговаривайте со своими детьми (с чужими тоже). Они смешные и к тому же хорошие философы.

Я пропустил первые занятия по философии, потому что мы (евреи, не философы) празднуем Новый год в более или менее произвольный день каждой осенью. Но на второе занятие я пошел, и уже ко второму часу я был на крючке. Профессор Кларк Вольф спросил каждого из нас, что именно имеет значение, и, обходя комнату, он написал наши ответы на доске рядом с нашими именами и именами известных философов, говоривших нечто подобное.

Счастье: Робин, Лайла, Аристотель

Удовольствие: Анна, Аристипп, Эпикур

Поступать правильно: Скотт, Нирадж, Кант

Ничто: Виджей, Эдриан, Ницше

Увидев свое имя на доске, я подумал, что мои рассуждения о том, что важно, могут иметь вес — ведь я был частью дискуссии, включающей самих Аристотеля, Канта и Ницше.

Мысль была дикой, и моих родителей это все не обрадовало. Помню, как я сидел напротив отца в закуской и сообщил, что планирую изучать философию. «Что такое философия?» — спросил он. Вопрос замечательный. Он не знал ответа, потому что, когда он поступал, место на курсах психологии было и он стал психологом. Но тут я понял, что у меня проблема: я и сам не понимал, что это, а ведь я уже несколько недель посещал занятия по философии. Что это такое, спросил себя я, и почему я хочу изучать философию?

Я решил не рассказывать отцу, а показать на примере.

— Нам кажется, что мы сидим за столом, едим жареную курицу и ведем беседу о том, как проходит учеба, — начал я. — Но что, если это не так? Что, если кто-то украл наши мозги, поместил их в колбы, подключил к электродам и стимулировал их так, чтобы мы считали, что едим курицу и разговариваем об учебе?

— Это вообще возможно? — спросил он.

— Не думаю, но это не главное. Вопрос тут — откуда мы вообще знаем, что это не так? Как мы удостоверимся, что мы не мозги в колбах, галлюцинирующие про жареную курицу?

— И это ты решил изучать? — Выражение его лица было отнюдь не ободряющим.

— Да, я имею в виду, разве ты не видишь причины для беспокойства? Все, что, как нам кажется, мы знаем, может оказаться ложью.

Он не был обеспокоен. И это было до выхода «Матрицы», так что я был лишен апелляции к авторитету Киану Ривза, чтобы обосновать актуальность проблемы. После еще нескольких минут невнятного бормотания о мозгах и колбах я добавил: «На факультете есть занятия по логике».

— Что ж, — сказал он, — это тебе понадобится.

Я упомянул, что не могу поверить, что я философ. Это не совсем верно. Невероятно тут то, что я все еще философ, — то, что мой отец не остановил меня, тогда в ресторане или еще раньше. Потому что я был философом практически с того момента, как научился говорить, и я такой не один. Абсолютно каждый ребенок — философ. С возрастом это проходит. Возможно, это часть взросления — бросить философию и заняться чем-то более приземленным. Если это так, я большой ребенок, что не станет сюрпризом ни для кого из тех, кто меня знает.

Это не потому, что мои родители не старались. Я помню, как впервые задумался над философской загадкой. Мне было пять лет, и меня осенило во время кружка в детском саду. Я думал об этом весь день, а во время пикника я поспешил рассказать об этом маме, которая вела подготовительные занятия дальше по коридору.

— Мамочка, — сказал я, — я не знаю, как для тебя выглядит красный цвет.

— Нет, знаешь. Он красный, — сказала она.

— Да... ну, нет, — замялся я. — Я знаю, как выглядит красный цвет для меня, но я не знаю, как для тебя.

Она выглядела озадаченной, и, если честно, я, возможно, не совсем ясно выразился. Мне было пять лет. Но я изо всех сил старался, чтобы она поняла, о чем я говорю.

— Красный цвет выглядит *вот так*, — сказала она, указывая на что-то красное.

— Я знаю, что это красное, — сказал я.

— Так в чем проблема?

— Я не знаю, на что похож красный цвет для тебя.

— Он выглядит вот так, — сказала она, все сильнее раздражаясь.

— Верно, — сказал я, — но я не знаю, на что это похоже для тебя. Я понимаю, только как он выглядит для меня.

— Одинаково выглядит, милый.

— Ты этого не знаешь, — настаивал я.

— Нет, знаю, — сказала она, снова указывая на цвет. — Это красное, да?

Она не поняла, но меня это не остановило.

— Мы называем одни и те же вещи красными, — попытался объяснить я, — потому что ты указала на них и сказала мне, что они красные. Но что, если я вижу красный цвет так же, как ты видишь синий?

— Это не так. Это красный, а не синий, верно?

— Я знаю, что мы оба называем это красным, — сказал я, — но красный может казаться тебе таким же, как синий выглядит для меня.

Я не знаю, сколько времени мы так продолжали, но моя мама так и не поняла, к чему я клоню. (Мама, если ты это читаешь, я буду рад попробовать еще раз.) Я отчетливо помню, как она закончила разговор:

— Хватит об этом беспокоиться. Это не имеет значения. Твое зрение в порядке.

Это был первый раз, когда мне посоветовали перестать заниматься философией. Но не последний.

Философы называют головоломку, которую я загадал своей матери, *инвертированным цветовым спектром*. Как правило, эта идея приписывается Джону Локку, английскому философу XVII века, чьи идеи повлияли на создателей Конституции Соединенных Штатов. Но я готов поспорить, что тысячи детей детсадовского возраста пришли к этому раньше. (Дэниел Деннетт, выдающийся когнитивный философ, сообщает, что многие из его студентов припоминают, что размышляли над этой загадкой, когда были маленькими.) Их родители, вероятно, не поняли, что они говорили, или не увидели в этом смысла. Но эта загадка очень важна; по сути, это окно в некоторые из самых глубоких тайн о мире и нашем месте в нем.

Вот как Локк пояснил эту задачу (ее легче понять, если читать это вслух с английским акцентом):

Впрочем, Идея голубого, имеющаяся у одного Человека, может отличаться от этой Идеи у другого. В наших простых Идеях не было бы ничего от ложности и в том случае, если бы вследствие различного строения наших органов было бы так определено, что один и тот же предмет в одно и то же время производил бы в Умах нескольких Людей различные Идеи; например, если бы Идея, вызванная Фиалкой в Уме одного Человека при помощи его Глаз, была тождественна Идее, вызванной в Уме другого Нюхотками, и наоборот¹.

---

¹ Локк Дж. Сочинения в 3 т.: Т. I / Ред.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин. — Москва : Мысль, 1985. — Прим. науч. ред.

Я знаю, что вы думаете: в пять лет я изъяснялся внятнее Локка. По крайней мере, я не писал заглавные буквы как полоумный. Но не волнуйтесь: я не заставлю вас продирааться сквозь толщу цитат давно умерших философов. Смысл этой книги в том, что философией может заниматься каждый и это делают все дети. Если детсадовец может заниматься философией, не читая Локка, можем и мы.

Но мы читали Локка, так что давайте посмотрим, сможем ли мы понять смысл его слов. О чем он говорил? В этом коротком отрывке таится множество тайн: о природе цветов, о природе сознания, о сложности — или, возможно, невозможности — передать словами некоторые из наших переживаний. О ряде этих вопросов мы подумаем позже. Но последнее указывает на еще большую проблему: разум других людей принципиально для нас закрыт.

Другие люди могут *видеть* мир иначе, чем мы, и не только в переносном смысле, имея разные мнения по поводу спорных тем. Они действительно могут воспринимать мир по-другому. Если бы я мог заглянуть в вашу голову, посмотреть вашими глазами, вашим мозгом, я бы мог обнаружить, что с моей точки зрения все вокруг не так. Стоп-знаки могут выглядеть синими, а небо — красным. А может быть, различия будут более тонкими — на пару оттенков или чуть ярче. Но поскольку я не могу заглянуть туда, мне не узнать, как для вас выглядит мир. Я даже не представляю, на что он похож для людей, которых я знаю лучше всего: жены и детей.

И это очень одинокая мысль. Если Локк прав, то мы в некотором смысле заперты в своих собственных головах, отрезаны от опыта других людей. Мы можем только догадываться, каковы они. Но мы не в силах знать.

Я не думаю, что эта мысль приходит в голову многим детям детсадовского возраста случайно. Детям в этом возрасте трудно понять других людей, научиться читать их мысли. Вам не удастся многого добиться в этом мире, если вы не сможете понять, что думают люди. Мы должны уметь предугадывать действия других и их реакцию